

7 КРУГОЗОР 74

Недавнее
постановление
ЦК КПСС
«О повышении
роли
библиотек
в коммунисти-
ческом
воспитании
трудящихся
и научно-
техническом
прогрессе»
направляет
деятельность
библиотек,
обслуживающих
детей
и юношество,
на «казание
действенной
помощи
школе
в воспитании
у подрастающего
поколения
высоких
принципов
коммунисти-
ческой морали,
любви к Родине,
стремления
к знаниям
и трудолюбия».

3
Статьей
профессора
Московского
университета
А. В. Западова
«Кругозор»
начинает цикл
рассказов
об умении
гостигать
прекрасное —
литературу,
музыку, театр.
О мастерстве
читать слушать
видеть.

ПОСТИГАЯ ПРЕКРАСНОЕ

А. ЗАПАДОВ

Талант и мастерство. О них мы думаем неизменно, соприкасаясь с искусством. Однако для нас эти понятия заведомо характеризуют создателя. Мы охотно и часто говорим о мастерстве писателя — о его умении изображать людей, природу, отчетливо излагать свои мысли — и значительно реже вспоминаем о тех, для кого он трудится, — о читателях. А ведь они также обладают своим мастерством — умением понимать прочитанное и наслаждаться им, и это мастерство необходимо и можно совершенствовать.

Для внимательного читателя в произведении открываются тайники авторской души — настоящий писатель, если б и хотел ее прикрить, не может, — персонажи приобретают трехмерность, то, что при беглом перелистывании страниц казалось лишь силуэтом, вдруг заиграет красками, незаметная раньше деталь выходит на передний план, разъясняется

В ГЛУБИНЕ СТРОКИ

намек, станут видны очертания вещи. В разные исторические эпохи литераторы решали различные задачи, и читательское внимание обращалось на то, что было наиболее важно и характерно для писателя и о чем он давал знать, избегая иной раз прямых высказываний.

Современники Ломоносова, например, ждали выхода в свет каждой оды поэта, вникали в строки стихов, находя за словесными украшениями ясные мысли автора. Торжественная ода — под пером Ломоносова программное политическое произведение — была в то время единственной формой общения поэта с читателями.

В стихах Ломоносова частных, личных элементов не встретишь, у Державина не так. Он весь в иносказаниях, кивках, намеках, потому что обстановка придворной жизни и службы на высоких административных постах допускала только такого рода признания, а молчать о том, что его занимало, Державин по прямоте своей природы не умел.

▼ Продолжение на стр. 4.

Почти 30 лет назад отгрезил последний военный салют. Но до сих пор еще матери ищут сыновей, дочери — отцов братья — сестер... Все идут в разные адреса письма: может быть, кто-нибудь знает?..

...Эта история началась давно.

Карамат Турсунову с младшей сестрой Саламат привезли в детский дом № 5 в Самарканде, но младшая заболела, и ее положили в больницу, а после выздоровления выписали в другой детский дом.

Однако ни запросы, ни поиски не дали результатов: в городе Саламат не оказалось...

Жизнь Карамат потекла без сестры. Еще в детском доме она учится на курсах воспитателей. Работает затем в сельском районе. Борис Насимович Фузайлов, директор детдома № 5, вспоминает о своей способной ученице и приглашает на работу в город. Карамат воспитывает детей и занимается в педучилище. Потом возвращается в родной Митан, под Самаркандом. Ее направляют на комсомольскую работу, затем на партийную. Коммунистку Турсунову избирают членом Самаркандского обкома партии, колхозники сельхозартели «Иттифак» доверяют ей руководство хозяйством. Счастливая, благополучная жизнь, но тревожит лишь одна мысль: где сестра?

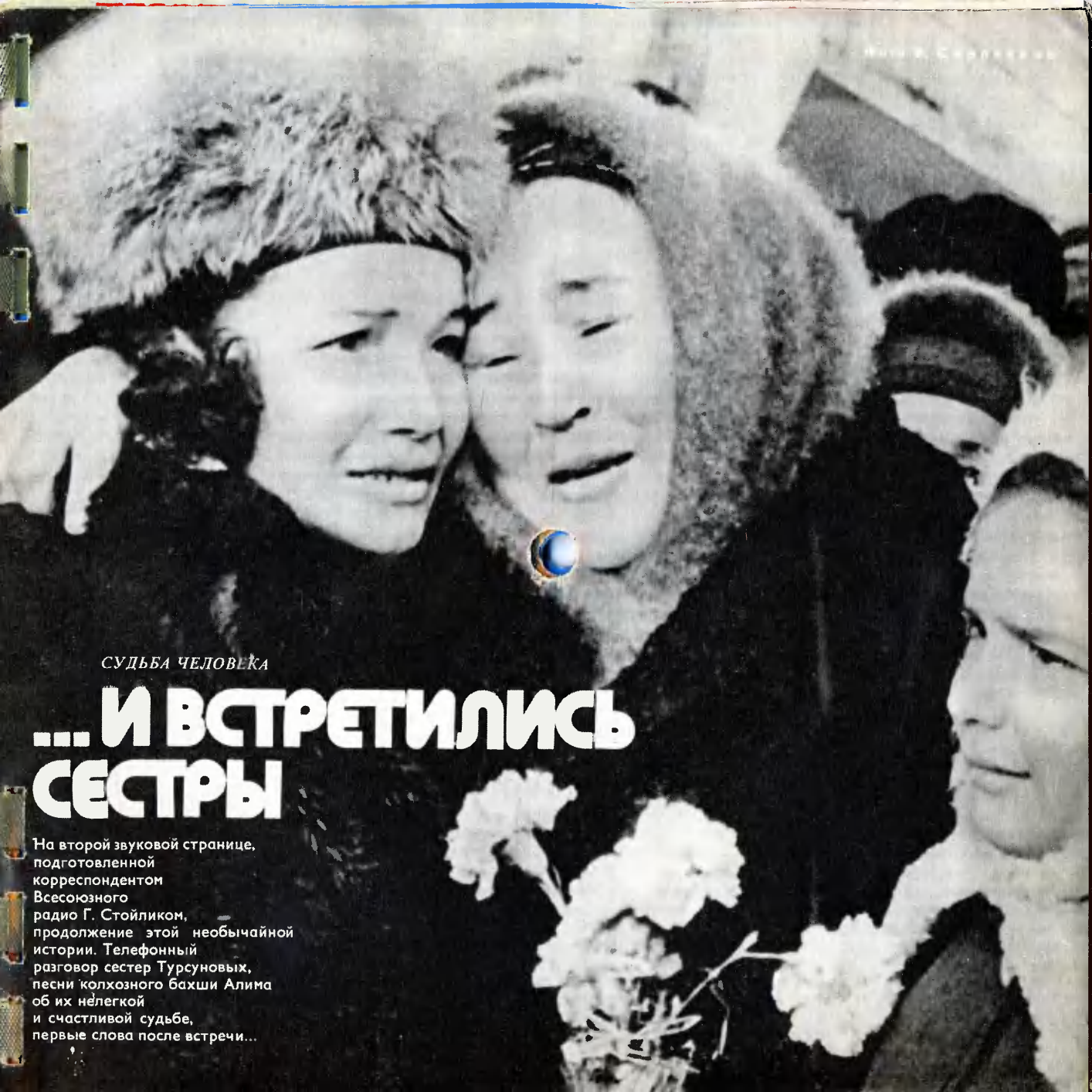
Маленькая Саламат, очутившись в другом детском доме, самостоятельно бросилась на поиски сестры. Села в какой-то поезд... На одной из станций ее, голодную, оборванную, подобрала добрые люди. Она назвалась Насибой.

Девочка выросла вдали от родных краев, в России. У нее была другая фамилия. Мудреное для тех мест имя записали с ошибкой: Масиба. В обиходе подружки называли девочку Майей.

Майя выросла, вышла замуж, уехала в Молдавию. Но далекая детская память раз за разом заставляла ее писать и писать письма...

Одно из них попало на Ташкентский почтамт в абонентный ящик № 67. Группа женщин-общественниц абонировала его для розысков бывших детдомовцев, эвакуированных из родных мест в годы войны. Письмо пришло к чутким людям...

В. КАРПЕНКО,
корреспондент газеты
«Комсомолец Узбекистана»

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

... И ВСТРЕТИЛИСЬ СЕСТРЫ

На второй звуковой странице, подготовленной корреспондентом Всесоюзного радио Г. Стойликом, продолжение этой необычайной истории. Телефонный разговор сестер Турсуновых, песни колхозного бахши Алима об их нелегкой и счастливой судьбе, первые слова после встречи...

Всякий раз, когда мне случается писать о человеке, отмеченном каким-то добрым, очень заметным делом, — словом, о знаменитом человеке, я задаюсь одним и тем же вопросом: а как ему удалось добиться этого? Особые ли способности помогли ему, талант? Или, может, что-то иное?

Если допустить, что в корне всего — талант, тогда трудно объяснить, почему так много людей успешны в своей жизни и работе. Ведь куда чаще, чем мы хотели бы, жизнь складывается так, что принимаешь обстоятельства, а не выбираешь их. Хотя бы с получением специальности. Разве всем удается поступить учиться куда хотелось бы? Но начинаешь работать, приобретаешь мастерство, стремишься к вершине в своем деле — и... так врывается слава. И тогда говорят: нашел призвание. А ты, может, его никогда и не искал и не подозревал, что оно у тебя такое. И если ты, предположим, инженер, а случилось бы так, что стал строителем, — значит, никогда бы не поднялся на высоту, не добился признания и успеха?

С этим же вопросом я шел и к Василию Дмитриевичу Постникову. Он сталевар первого цеха подмосковного завода «Электросталь». Работает там двадцать три года. Коммунист. Депутат Верховного Совета. Герой Социалистического Труда. Член президиума ЦК профсоюза работников металлургической промышленности.

Один из лучших сталеваров страны. Но анкета, даже самая блестящая, не отвечает на вопрос: как он добился всего этого?

ПЯТИЛЕТКА
ГОДЫ
И МИНУТЫ

А чем дальше я говорил с ним, чем лучше узнавал его, тем яснее становилось, что он ничего и не добивался. То есть не ставил перед собой цели сделаться Героем Социалистического Труда или депутатом...

Я провел у Постникова «на печке» почти всю смену и... почти ничего не увидел. Только видел, как передвигается он по песку мягкой такой походкой, никак не сообразующейся с массивностью фигуры, как говорит что-то товарищам по смене — первому своему подручному Александру Холодову и второму — Анатолию Карпову, говорит больше взглядом или жестом, а они как бы все равно слышат его и делают свое дело. Видел, как в открытую печь забрасывают различные добавки к металлу — десять, двадцать, тридцать лопат; как пот струится по их лицам и им не до того, чтобы отереть его; как трудно хохоту грудь под войлочной курткой. Видел... словом, видел, как они работают. Василий Дмитриевич внешне бесстрастно слушал, как динамик выдает данные экспресс-анализа, но именно в этой бесстрастности и чувствовалось главное — на печи порядок.

Вот он поднимает заслонку, и блики пламени вырываются на волю. И даже когда закрыта печь, отсветы огня все еще живут на лице и в глазах сталевара. А только потом, познакомившись с ним ближе, я не раз замечал: всегда, когда он касается самого главного, вдруг словно поднимется заслонка далекой печи, высветит лицо, вспыхнут глаза, и потом блики живут еще долго...

Что же главное у Постникова?

Как всегда, к главному добраться оказалось непросто. К главному привел наш разговор с Василием Дмитриевичем, который мы предлагаем вам послушать на первой звуковой странице, прежде чем вы продолжите чтение.

А теперь маленькое послесловие. Да, Постников убеждает своей жизнью: призвание — это не столько дело, сколько отношение к нему. Например, его призвание — работать только хорошо, и не просто хорошо, а отлично работать.

Так же страстно, даже азартно Постников выполняет обязанности депутата. Прежде всего он решает для себя главное — насколько справедлива просьба или жалоба обратившегося к нему человека. Но если убедится в правоте, не отступит, пока не решит вопроса. И сколь успешно справляется Постников со своим депутатским долгом, можно судить хотя бы по тому, что и в эти выборы рабочий коллектив выдвинул его кандидатуру в Верховный Совет.

Вы уже слышали на звуковой странице: судьба Постникова могла сложиться иначе — профессия была выбрана почти случайно. И, работая в другом месте хорошо, он бы тоже нашел свое призвание. Тут меня и его могут удивить в противоречии, таящемся в теории «призвание — это работать хорошо».

СТАЛЬ

ПОСТНИКОВА

Противоречия здесь нет. В самой человеческой природе заложена тяга, а вы сказали, к преодолению... Проверьте на себе: что вам приносит большее удовольствие? То, что дается трудом или что само приплыло в руки? Конечно же, первое! И вот это преодоление, а в конечном счете победу (ибо стремление к победе — тоже естественное состояние человека). Постников и видит в своем деле. Он говорит: «Варишь сталь и всякий раз все начинаешь заново, а металл, поди знай, что он там себе думает?..»

Вот и получается, что кто-то видит для себя преодоление в работе на кране, другой — в создании машины, Постников «преодолевает» сталь. Оттого он так любит и свою депутатскую работу. Потому что и в ней видит все то же — преодоление. Чьей-то инерции или трудности охвата какой-либо проблемы, касающейся страны...

Говорит, профессия накладывает на человека отпечаток. Пожалуй. Но уж совсем совсем другое: и человек накладывает отпечаток на профессию, на дело, которым занимается. По знаниям ученика можно определить, каков его учитель, по стене дома, кто ее сложил, полет самолета может рассказать, кто за его штурвалом. Я думаю, что можно узнать и сталь Василия Постникова.

Павел ДЕМИДОВ

Еще минуты, и сталь «дойдет». Сталевары (слева направо) А. Карпов, В. Постников и А. Холодов следят за плавкой.

Фото Л. Лазарева

Можно сказать, что большинство стихов Державина имеет второй, скрытый от неопытного читателя план, который для самого поэта имел едва ли не главное значение. Сознывая злободневность многих стихотворений, острога которых зависела от разброшенных в тексте намеков. Державин желал раскрыть их для последующих поколений читателей и в 1805 году написал «Объяснения» к своим стихам, вошедшие затем в собрания его сочинений.

Пушкина, родоначальника русской литературы, не занимали придворные новости и поэтические недомолвки. Он работал для широких кругов читателей и всегда хотел быть им понятным — он краток и точен. Однако, повторяя за ним этот

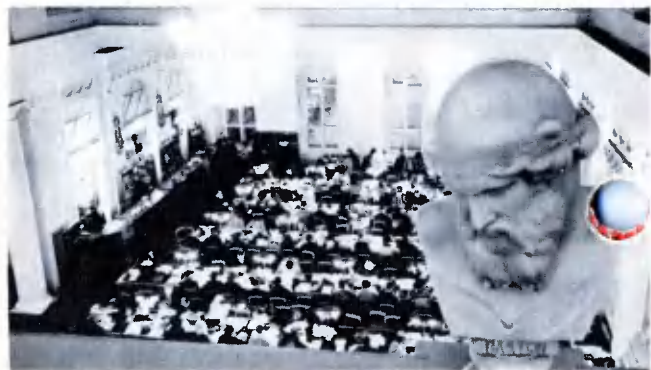
обусловлено логикой развития сюжета, полно значения и выражено с научной точностью. Приведем первые строки «Пиковой дамы»:

«Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом; прочие, в рассеянности, сидели перед пусгymi своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился; и все приняло в нем участие».

Короче, энергичнее начать, кажется, невозможно. А все нужное сказано. «Конногвардеец» — офицер Конной гвардии, привилегированной воинской части, стоявшей в Петербурге, служба в которой

казывалась, как трудна была служба Лизаветы Ивановны, занимавшей положение «воспитанницы», ничего не комментируя. Но мысль о том, что Лизавета Ивановна могла жить, лишь «с нетерпением ожидая избавителя» — то есть надеясь выйти замуж и покинуть дом графини, — уже мелькает у читателя. Пушкин заканчивает описание сборов на прогулку, отложенную затем по причине «прехолодного ветра», грустной фразой Лизаветы Ивановны: «И вот моя жизнь»

Пожалуй, не будет большой смелостью предположить, что Чехов этими словами завершил бы эпизод и не пустился бы в деловые пояснения касательно судьбы девушки, уверенный, что читатель сам додумает остальное. Но Пушкин с его

Читатель тоже должен и хочет работать. Он тоже художник — иначе мы не могли бы разговаривать с ним на языке образов и красок. Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова. Художник-автор берет на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

С. МАРШАК

тезис, нужно помнить, что немногословные предложения Пушкина всегда прячут за своим высшим покровом глубокое внутреннее содержание. Каждое слово его весомо, оно вызывает в сознании читателя исторические, бытовые, психологические параллели. оно поставлено у места и не может быть заменено другим выражением без переделки смысла фразы.

Пусть не покажется наивным это убеждение, но у Пушкина в самом деле нет случайных, ненужных слов, и дело читателя состоит не в том, чтобы распознать авторский намек, уяснить риторические изобретения, а в том, чтобы представить реальное содержание понятий, вводимых автором, учиться вглядываться в них. В текстах Пушкина все связано,

требовала денежных средств более значительных, чем служба в пехотных гвардейских полках — Преображенском, Семеновском, Измайловском. И хозяин был не беден — после карт он кормил гостей ужином, поил шампанским, самым дорогим по цене вином. Кто сидел за столом?

Вероятно, собрались офицеры, товарищи по полку и знакомые хозяина. В картах кому-то везет, кто-то проигрывает, но ясно, что игра у Нарумова велась для развлечения, и роковых проигрышей не случилось, пусть не все игроки ужинали с аппетитом, но после шампанского разговор сделался общим. В четырех кратких фразах Пушкин обрисовал обстановку.

Во второй главе повести, изображая сборы старухи на прогулку, Пушкин по-

стремлением к ясности предпочитал рассказывать о том, что не входило в рамки повести, но нуждалось в освещении для читателя.

Внимание к себе требуют не только детали. Бывает, что художественное произведение в целом заставляет вновь и вновь читательскую мысль обращаться к себе — постигать идею, владевшую автором, понимать соотношение частей книги, определять место каждого персонажа.

Давайте же вместе перечтем некоторые пушкинские строки и постараемся постичь их глубину.

Последнее за Александром Васильевичем Западным на третью звуковую страницу. Вслушаемся в звучание пушкинской прозы и постараемся ощутить ее многомерность.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Застрекотал у меня на столе
черный скворец.
Чирикает с крыши очень похожего
на телефон

Скворечника. Свиристист,
словно скрипка.
Я снимаю скворушку с крыши, тяну
К себе. Скворечник не хочет
его отпускать —
Вьющийся провод натягивается
до отказа.

Я глазу поющую птаху.
К щеке прижимаю.

Заговариваю с ней.
Из открытого клюва льется

Душа скворца. Серебро колоратуры:
— Алло! Простите, что я вам мешаю...

— Пожалуйста, — говорю, —
Для этого и существуют поэты...

— Я вот по какому делу
(к тому же еще и по делу!):

В подшивке старых газет
Мы нашли ваше раннее
студенческое сочинение

(разрыли, значит, могилу)...

Гром весенней кузницы сотрясает окно,
И мне уже видятся возмущенные молнии

В глазах репортерши. Да нет же:
обычный обман

Зрения. Я держу возле уха
приоткрытый клювик,

А возле губ — внимательное ушко.
— Как сочинение, — спрашиваю, —

Называется?... Как? Не упомяну такого...

Да, конечно, вы правы: забылось.
Конечно. Давние времена.

Очень давние...

Из клювика вылетает
сочувственный вздох.

— Итак, чем могу быть полезен?
— Нам хотелось бы,

Чтобы вы ознакомились с ним.
— С сочинением?

— Да. И развили его, развернули,
придали ему

Сегодняшнее звучание...
— Что ж, присылайте...

Нагими зрачками по желтой странице —
Точно голыми пятками по осенней
стертне...

Надену-ка я спасительные очки,
Чтобы дочка не видела
моих покрасневших глаз.

Ангелам смешны бородастые сантименты.

Над кипенью яблонь и вишен
скворечник-циклоп

Озирает своим единственным оком
Взволнованное море весенних садов, —

К ним уже устремились
корабли пиратки-осени,

Чтобы трюмы набить
янтарями и золотом...

На козырьке картуза,
напяленного циклопом,

Сидит прилежный ученик
Арнольда Шенберга —

Скворец. Проводит клювом
по искрящимся струнам

Солнечной арфы и сбрасывает на землю
Горстку переливчатых,
пестрых пассажиров...

А внизу — мы. Подставляем ладони
летающим звукам.

Ловим эти оскблки цветного стекла.
Желтые, синие.

Зеленые, красные, черные дольки...

Но и в черном,
приставленном к глазу осколке

Сверкает солнце.

НАСТОЛЬНЫЙ СКВОРЕЦ

Двор будто затоплен белилами.
В углу, над поленницей,

торчит одуванчик —
Живая дворовая кукла.

Пушистый кружок головы раскачивается.
Мерцают синие бусины глаз.

Гнется гибкий стебелек стана.
Кустится зеленая юбочка.

Топорщатся веточки пальцев,
Словно у неумело нарисованной елки.

И ритмично сокращается
алое сердечко губ.

Это — сиротка Сигуте...
Ведьма велела ей

Корову пасти и к ночи соткать рубашку
Из пакли. Но беспечная,

несказочная Сигуте
Торчит на поленнице

и без умолку щебечет.
Корова неподалеку похрустывает

лужайкой
И, старательно пережевывая траву,

ткет
На станке челюстей рубашку сиротке.

А Сигуте сидит на дровах,
болтая ногами.

И ритмично сокращается
алое сердечко губ.

— О! — изрекает она,
приложив к синему глазу

Синий осколок стекла. — Синий скворец!
Смотри-ка, смотри!..

И точно — синия птица.
— А я ведь читал, — говорю, —

Про мальчика и про девочку,
которые синюю птицу искали.

— И нашли ее?
— Нет, кажется, не нашли. А может.

И нашли... Не помню уже. Но искали...

Синие бусины дворовой куклы катятся,
Как муравьи, по песчаной дорожке.

Белый кружок головы склоняется.
Она размышляет. И синие бусины

ее глаз вкатываются в мои
Глазницы.

— А ты хотел бы, — спрашивает Сигуте, —
Найти эту синюю птицу?

— Конечно же, —
Восклицаю я, — конечно, хотел бы!

Сигуте снова
Глядит на скворца через синий осколок.

Корова усердно ткет для нее рубашку.
Я на троне забора, как принц, восседаю.

Принцесса сквозь синий осколок
Разглядывает синее небо.

И насвистывает наш синий скворец...

У меня есть скворечник,
похожий на телефон.

Он стоит на моем столе. Живет у меня
Звонкий скворец. Он рядом всегда.

Его крылья ладонь мне шечочут.
Из клюва

Струится серебряный щебет.
Скворец живет

У меня на столе. Но разве он синий?..
Нет, я знаю, не голосок репортерши

Поселился в зияющем клюве скворца.
Это был голос души сиротки Сигуте,

Куклы моей, пушистого одуванчика,
В тусклую даль унесенного ветром...

Она хотела спросить, нашел ли я
синюю птицу...

Есть у меня скворец. Он о весне
щебечет.

Он пиликает на скрипке о белоголовом
Одуванчике, о катящихся бусинах глаз,

О бьющемся алом сердечке губ. Он поет
И поет. Днем и ночью. Весною, зимою...

Скворец у меня есть. Но где я теперь
Добуду синий осколок стекла?..

Перевел с литовского Л. Миль

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

ИЗ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

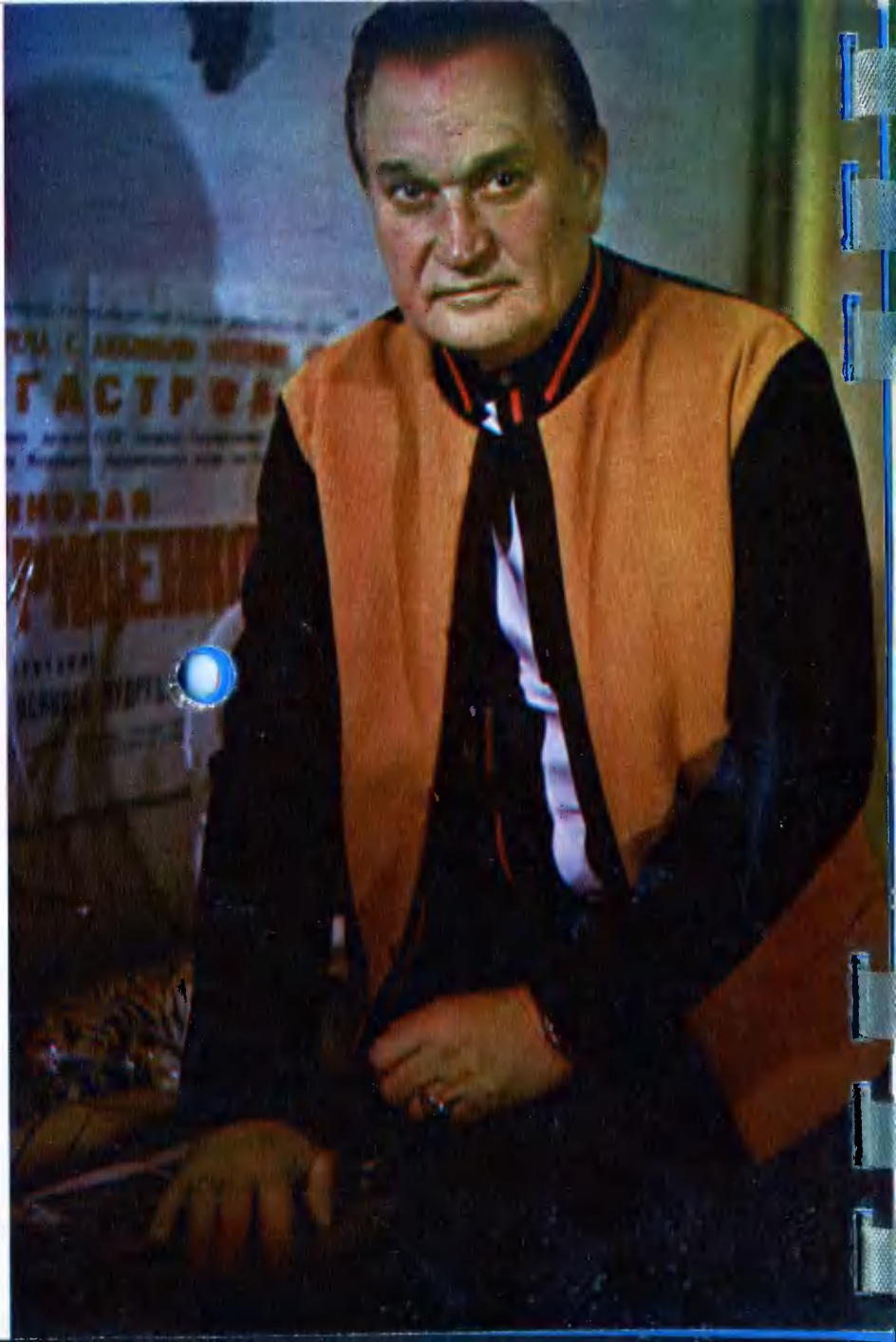
Николай ГРИЦЕНКО,
народный артист СССР

Когда я был еще совсем молодым, со мной произошел такой случай. В пьесе А. Толстого «Путь к победе» я был занят в массовке, играл солдата. Слов у меня не было, но трудился я вовсю. Искал характер, придумывал грим. И однажды так вошел в роль, что и сам не заметил, как пустился в пляс, подпевая: «Картошка моя вся поджаристая». Алексей Толстой был на репетиции. Он увидел, что я сымпровизировал, пляска с припевом ему понравилась, и он вписал ее в текст.

Я рассказал об этой истории, чтобы подчеркнуть в ней то обязательное, что лежит в основе нашей профессии: пока в какой-то момент ты не почувствуешь в себе воплощаемый персонаж, роль будет мертва. Внутреннюю свободу актеру, посыл к фантазии дает только перевоплощение. Это единственный способ не информировать зрителя о событиях в пьесе, а говорить с ним, как художник, — образами.

Под словом «перевоплощение» было бы неправильно понимать чисто внешнюю трансформацию. Дело в том, чтобы у актера в роли было, как говорил Вахтангов, «мироощущение» и «миропонимание», как у данного персонажа. Это и составляет суть актерского творчества.

Путь к перевоплощению бывает порой мучительно трудным. Я, например, помню, как гениальный Шукин завидовал Р. Н. Симонову, которому легко давалось перевоплощение. Хотя сам Борис Васильевич удивительно владел этим искусством. Я видел, как он репетировал гого-

Пятая
звуковая страница
роли, о которых
было рассказано, —
князь Мышкин,
Каренин,
боец Вытягайченко.

Фото Б. Палатника

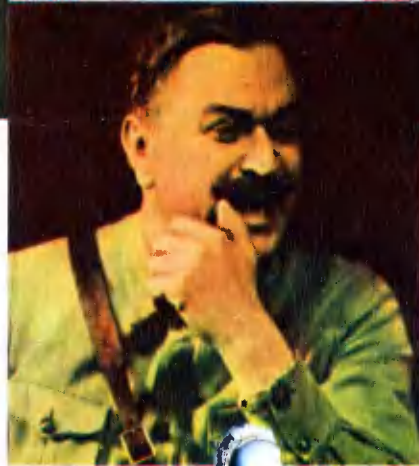
левского Городничего, роль, которую ему так и не довелось сыграть. В сцене, когда Городничий распекает купцов за подачу на него жалоб, Шукин плакал горючими слезами. Затем начинал звереть. В одной этой сцене Шукин сумел показать Городничего по-своему несчастным и жалким, трусливым и жестоким. Пойди актер по пути внешнего представления, едва ли фантазия его подсказала бы такой огромный и удивительно верный диапазон чувств персонажа.

Мне запомнились три непохожие роли, путь к которым был для меня очень разным по способам работы. Князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского, Каренин в фильме «Анна Каренина» и боец Вытягайченко из «Конармии» Бабеля.

Я почему-то очень боялся представить себе сразу, как должен выглядеть внешне князь Мышкин. Мне казалось, что внешние представления о нем станут связывать и не дадут возможности полнее понять его душу, объяснить тончайшие оттенки его чувств.

Каждый поступок князя, каждое его движение — все вразрез с общепринятым, и как труден от этого весь его путь. Когда я представлял, как он входит в этот незнакомый для него мир, с такой надеждой, так радостно, «сообщительно», как говорили в те времена, мне каждый раз становилось зябко. Ведь на нем нет иной одежды, чем его доброта, искренность и доверчивость.

В своей доброжелательности, в поспешности понять, помочь, возвыситься в человеке человеческое он не замечает, что температура вокруг него резко падает. А когда и заметит, то ведь все равно не будет менять одежды...

Сострадание к другому всегда возьмет у него верх, а жалость пронзит сердце «гуще любви». И он тотчас же будет готов жениться на Настасье Филипповне, пожертвовав не только своей любовью к Аглае, но, по существу, и собственным спасением.

Князь Мышкин весь светится добром. Это — рыцарь добра.

В Каренине же с самого начала мне очень важна была его внешность. Я выхаживал по мосфильмовским павильонам, где снимался фильм, вырабатывая в себе походку Алексея Александровича, «ворочавшего всем тазом и тупыми ногами», и учась говорить его «неторопливым, всегда слышным голосом».

Как безжалостно они смотрят на него: Анна, Вронский, свет! Но Толстой не унижил его в страдании, а возвысил над всеми. Единственный, кто и относился к нему с симпатией, так мне казалось, был сам Толстой.

И этот момент, может быть, и спорный, оказался для меня решающим в трактовке Каренина.

Красивая Анна, красивый Вронский, а самое большое и чуткое сердце у некрасивого и внешне бездушного Каренина. Я педалировал эту сторону.

Кто бы мог простить Анне то, что он ей прощал? Он ставил единственное условие: «Мне нужно, чтобы я не встречал здесь этого человека». Дома не встречала. Она и этого не сделала.

Боец Вытягайченко, бабелевский герой, попадает в госпиталь после ранения. Там ему чудится измена, и он наводит порядок своими силами: «...в обвиняемое утро, находясь без сознания, мы вышли на площадку перед госпиталем и нарушили со слезами три незавидных стекла в ближайших окнах».

В детстве я жил на Кубани. Мой отец был железнодорожником. Я помню восемнадцатые — двадцатые годы. Война. К станции подходит эшелон с красными казаками. Это так врезалось в память, что Вытягайченко я представил себе сразу. Ухарство его, смелость, отвагу. Для этого кубанского крестьянина революция есть сама жизнь, и он предан ей без остатка.

Но темперамент роли выявился только тогда, когда я нашел его говор, речевой колорит. Юмор сразу подчеркнул, наивность, вызывающая улыбку, что и сделало эту фигуру чрезвычайно обаятельной и достоверной по времени.

...Мною сыграно сорок ролей в кино и около семидесяти в театре. Но я никогда не знаю, с чего будет начинаться следующая работа. Постоянным остается лишь стремление к тому, чтобы каждый вновь созданный образ входил в сознание зрителя «со своим лицом», неповторимым и ярким, как сама жизнь.

В дни праздника порой можно разглядеть облики страны, почувствовать поворотный момент биографии народа, уловить его темперамент. Четырнадцатое июля и до сих пор соединяет в себе символы Великой Французской революции — победу народа и его торжество, гром пушек и град острот, флаги и песенки. Сегодня перепоры аккордеона смешиваются с треском фейерверка.

Народ Парижа долго держал осаду Бастилии. Он дважды врвался в крепость. В первый раз — в 1413 году, ведомый булочником Кабошем. Во второй раз — в середине XVII века, в пору Фронды. Уже тогда раздавались голоса, требовавшие разрушить замок. Из этого ничего не вышло, и круглые, глухие башни по-прежнему возвышались над Парижем. Наконец, в третий раз Бастилия была взята 14 июля 1789 года, и ломать ее начали сразу, не дожидаясь даже шестнадцатого числа, когда был принят декрет, предписывавший разрушить крепость «до основания». Разрушению придавался показательный характер. Камень возили к строящемуся мосту Революции — теперешнему Конкорд, чтобы, шагая по блокам Бастилии, народ как бы попирает их. Разбивали цепи, страшные «железа» и решетки. Ломали долго. Впервые Четырнадцатое июля засверкало год спустя после штурма. На Марсовом поле двести тысяч человек строили амфитеатр для праздника Федерации. Парижане торопились — приближалась гроза, 14 июля 1790 года лил проливной дождь, и один из вариантов песенки «Са ира» гласил: «Дождь по спине, по спине, по спине, я промок до нитки, но праздник — по мне».

И вот в 7 часов утра огромный кортеж двинулся через город. Кавалерия национальной гвардии, гренадеры с барабанами, депутаты Парижа, добровольцы, дети, ветераны. Через Сену переправлялись по мосту из кораблей, соединявших берега реки в том месте, где теперь Эйфелева башня. Пушечный залп в 4 часа дня (час штурма), месса, отслуженная Талейраном, клятва Лафайетта перед алтарем Родины, повторенная всеми (правда, было замечено, что король произнес ее, не покладая своей ложки. Через 2 года он не придет на закладку памятника в честь взятия Бастилии, а вскоре с ним будет покончено навсегда).

После же исполнения госсековского «Те деум», ликования и пения «Са ира» во всех концах огромной площади пришла очередь тысяч и тысяч уличных представлений, гуляний, маленьких балов, продолжающихся в Париже и во всей Франции вот уже 184 года. Начало им было положено именно там, где находились руины Бастилии. Посадили 93 дерева — по числу департаментов, на пику надели фригийский колпак, кругом повесили бумажные фонарики и водрузили надпись: «Здесь танцуют!»

Еще почти через сто лет — в 1880 году — 14 июля было официально провозглашено национальным праздником. С

ИЗ ПЕСЕННОЙ ЛЕТОПИСИ
РАБОЧЕГО КЛАССА

„ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ!“

тех пар ежегодно устраивается военный парад. Как встарь, проходит каверьями и за барьерами для приглашенных с сожалением говорят о «последних конях агнии», вздрагивающих от гула реактивных самолетов. В прошлом году впервые в колонне появилась девушка-знаменосец, и газеты писали о грации мадемуазель Анн Шопинэ в традиционной треуголке Высшей Политехнической.

Но всегда по другую сторону Четырнадцатого июля было и иное. Манифестации рабочих, шествия парижан от площади Бастилии к площади Нации, грандиозные митинги в эпоху Народного фронта тридцатых годов — вы услышите их эхо на шестой звуковой странице, — молчаливые 14 июля во времена нацистской оккупации и нынешняя годовщина, прошедшая под знаком единства левых сил. «Звук и свет» июльского дня — гул и крики шествия, а вечером — фонарики, хлопушки, уханье оркестрика или джаза на улицах предместий. Праздник того самого народа, о прапрадедах которого Энгельс говорил, что только эти плебей и совершили революцию, доводя лозунги равенства и братства до крайних выводов. Подлинное содержание этих лозунгов пронесено сквозь огонь классовых боев не только французским, но и мировым пролетариатом — от начала прошлого века до наших дней, осененных Октябрем 1917 года.

Человечество оглядывается, чтобы вспомнить. Годовщина порой не похожа на годовщину. Иное время, иная эпоха. Но атмосферу Четырнадцатого июля народ Франции хранит с острым чувством немеркнувшего события. Подобно тому, как когда-то Беранже вспоминал:

...Ребенком я услышал за собой:
— К оружию! На Бастилию! Отмщенье!
— В бой, буржуа, ремесленники, в бой!
Покрыла бледность щеки многих женщин.
Трещ барабанов. Пушек воркотня.
Бессмертной славой навсегда увенчан
Рассвет того торжественного дня,
Торжественного дня...

Артем ГАЛЬПЕРИН

Эпизоды штурма Бастилии, запечатленного на старинной гравюре, были в 1883 году отлиты в бронзе скульптором Далу на цоколе монумента Республики в Париже — одной из «трибун» во время его недавних торжественных манифестаций.

ДВЕ ЛИРЫ ДИВНЫЕ

М. И. Глинка

Е. А. Баратынский

На седьмой
звуковой странице
И. С. Козловский
продолжает
свой рассказ
о романсе Глинки
на стихи
Баратынского
«Не искушай меня
без нужды».

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

Все мы, кто прикоснулся к музыке Михаила Ивановича Глинки, чтим и будем чтить всегда его гений, ибо каждое поколение людей находит в его музыке и радость, и муку, и все то, что возвеличивает человека духовно.

Для композиторов Глинка — вечное доказательство того, что мелодия бессмертна, как цветы, которые ежегодно обновляются, если клубень крепко. Для вокалистов произведения Глинки — прощение певческой жизни.

Сам композитор хорошо пел. Скорее было впечатление, что он не поет, а напевает, так как голос у него был небольшой, но приятный и выразительный. Быть может, поэтому Глинка высказывал свои мысли и чувства языком кантилены даже в скороговорках, подобных рондо Фарлафа или «Попутной».

Много прекрасных страниц вокальной лирики написано Глинкой, и к ним, бесспорно, относится дуэт «Не искушай меня без нужды». В нем совершенны и музыка и стихи, созданные Евгением Абрамовичем Баратынским, современником Пушкина, близким другом Дельвига. Это Дельвиг первым оценил поэтический дар Баратынского, а Пушкин о нем говорил, что он «чувствует сильно и глубоко».

К роду Баратынских принадлежит еще один замечательно талантливый художник — Надежда Андреевна Обухова. Кстати, она прекрасно пела романс на стихи своего предка. Сохранилась запись («Кругозор» №2 за 1964 г.). Это сольное исполнение (есть две редакции глинкинского романса — сольная и дуэт).

И каждый раз, когда я слышу по радио эту запись Надежды Андреевны, я испытываю душевную радость. Дуэт же «Не искушай меня без нужды» мы записали с другой выдающейся русской певицей — Антониной Васильевной Неждановой. Партию роля исполнял Николай Семенович Голованов, виолончели — Виктор Львович Кубацкий. Записали мы его случайно. В студии шла работа над сложным оперным произведением. И вот в перерыве, как бы для отдыха, мы попросили звукорежиссера записать дуэт. Надо сказать, он сопротивлялся, так как разрешения на эту запись не было. Она стала теперь уникальной.

Дуэт Глинки я любил еще с юности. Помню 20-е годы на Украине. Времена тяжелые, идет гражданская война, всего не хватает... А музыка все-таки звучит. В Полтаве, например, устраивались концерты, которые начинались в пять часов вечера и кончались в семь, так как ходить ночью в темноте было опасно. И вот тогда уже я пел «Не искушай...». С кем? Вам эти имена не знакомы, для меня они — мир моей юности. Преподаватель математики в Институте благородных девиц, который исполнял партии Демона, Онегина, — Иустин Васильевич Авраменко. Пел я и с Польянным. У него был дивный голос, но пение было для Польянного как дополнение к главному в жизни: а был он инспектором высших учебных заведений Леобережной Украины. В Страстенецкая... С ней мы пели в «Гальке», в «Онегине». Она училась у того же профессора, что и я, у Елены Александровны Муравьевой, только двумя годами раньше. И еще со многими партнерами я встречался в дуэте двух прекрасных мастеров лиры музыкальной и поэтической. Но об этом — на звуковой странице.

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

ЮНОШЕ.

ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Громов похож на штангиста: невысокого роста, плотный, широкие плечи, большие, крепкие руки. И во всем та основательность, когда не торопятся на поможку, а подчеркнуто спокойно рассказывают за кулисами, затем погружают руки в магнезию...

Во время нашего разговора я пытался представить в его руках цветы. Не знаю, давние ли детские кинофильмы, или книги подсказывали мне стойкий образ селекционера, человека, знающего тайные связи всего живого. Андрей Николаевич Громов не вписывался в это представление.

... Он занимался на Центральной станции юных натуралистов, учился в средней школе затем — в Тимирязевской академии. Сейчас работает в научно-исследовательском институте. За это вре-

мя Громов написал свыше восьмидесяти научных трудов, выпустил книжку о сирени. Прошлой весной избран вице-президентом Международного общества сиреневодов...

Труд селекционера кропотливый, требующий терпения, романтики в нем немного. Больше неизведанного. И еще чутье: недосмотрел, ошибся — исправить уже невозможно. И неизвестно, увидишь ли итог главного дела своей жизни. И так день, год, десятилетия...

Громов выводит новые сорта гладиолусов. Душистый гладиолус!.. Не один десяток лет бились виднейшие селекционеры над тем, чтобы получить его.

— Наука считает, — рассказывает Андрей Николаевич, — что гладиолус появился в долинах Капских гор, на мысе Доброй Надежды. Там и сейчас растут дикие африканские виды — прародители нынешних культурных гладиолусов. Кап-

кались ниже 30-градусной отметки, зацвел сеянец третьего поколения. Сложный запах розы и цветущей яблони, с каким-то сладковатым оттенком. Жесткие лучи солнца усиливали аромат. Громов назвал сорт «Ра» — именем древнеегипетского бога солнца. У цветка еще и солнечный, оранжевый цвет.

Такова история лишь одного сорта гладиолусов (в мире их насчитывают 150 тысяч). Описанная строгим языком науки, она займет несколько машинописных страничек. Пятнадцать лет жизни Громова!

Признайтесь: глядя на цветок, сорванный, купленный по случаю, растущий на подоконнике, вряд ли думаете вы о тех, кто создал его. Чудо природы! А в чудо это вложена порой вся человеческая жизнь. Жизнь. Стоит ли тратить ее на цветы?

Задумываясь над жизнью Громова, начинаешь понимать, в чем ее главный смысл — верность себе, своему делу. Громов ни разу не свернул с избранной дороги. Видимо, это и сделало его натурой сильной, цельной, незаурядной.

У него много интересных замыслов. На десятки лет! Но верю, что многие из них осуществляются. Ведь недавно друзья отмечали лишь 40-летие Громова. Четверть века (помните — станция юных натуралистов!) отдана цветам...

Все же удивительно: и что его потянуло на грядку?

Мальчишки того поколения почти поголовно мечтали быть летчиками, прыгать с парашютами. В ту пору гремели имена Чкалова, авиаторов, спасавших экипаж «Челюскина»...

— А я и мечтал стать летчиком, — улыбнулся Андрей Николаевич, — и фамилия у меня подходящая — Громов. Но, знаете, бывают в жизни человека решающие минуты, когда он делает выбор. Вот такой случай произошел...

Я включил микрофон и записал рассказ Громова.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

ОЖИДАНИЕ ЦВЕТКА

«Без цветов невысказана жизнь!» — так начинает свой монолог на четвертой звуковой странице селекционер А. Н. Громов. Нелегкое это дело — «создавать» цветы. Нелегкое уже потому, что многим такое занятие кажется не очень серьезным... Но ведь и в цветках скрыта тайна живого. Разгадывая ее, мы познаем себя. Мы ищем ответы... Вся жизнь — поиск. И она действительно невысказана без этого...
Фото Л. Лазарева

ские гладиолусы пахнут. Но запах этот весьма неустойчив. Он появляется только при очень высокой влажности воздуха, ночью. На солнце — исчезает. Новозеландке Райт удалось получить культурный сорт «Счастливая звезда». И у «звезды» был слабый запах, неустойчивый...

Громов загорелся идеей вырастить душистый гладиолус году в 50-м. Скрещивал его с ирисом. Семена не проросли. Работу не прекратил. И, наконец, лет через восемь получил новый сорт — «Акация». Слабый, резковатый запах появлялся только утром и вечером. «Акацию» скрещивал с разными сеянцами. Запах не усиливался, стал хуже. Использовал гибриды. Одно поколение, второе... Об опытах знали и за рубежом, но в победу не верили. Только Громов не спешил ставить точку.

Жарким летом 1972 года, когда столбики на московских термометрах не опу-

Шел 1943 год. Отец был на фронте, а мы жили в эвакуации в крошечном поселке в Киргизии, и главной в нашей семье была моя сестра Галя. В свои 14 лет она оказалась практичнее и разумнее мамы, не говоря обо мне.

Именно Галя дала совет собирать высушенные лепешки, которые называются «кизяками», и топить ими печь. Наш сосед Владимир Иванович, инвалид с пролезом вместо правой ноги, не мог наклоняться. И эту работу поручили мне.

Часто в поисках следов вчерашнего пастбища я доходила до шоссе. Я любила те дни, когда по шоссе на рыси проезжали военные. Они ехали на высоких лошадях и пели одну и ту же песню:

Эскадрон за эскадрон,
эшелон за эшелон,
Путь-дорога далека! Эх!
Командир сказал, и точка, машет
беленьким платочком
Дону синему рука! Эх!..
Эскадрон за эскадроном...

На этих словах я отставала от конников, у моста они уходили вперед, унося свою песню, слова которой я так до конца и не узнала. Но песня эта очень нравилась бойцам в госпитале, и я, дойдя до слов «эскадрон за эскадрон», начинала, повторяя их и вскрикивая «Эх!», плясать вприсядку.

Я знала все палаты, и во всех палатах меня любили. Но больше всего меня любили в маленькой, полутемной палате на первом этаже. Там лежали дядя Никита, Леша и Маркел Митрофаных. Придя в госпиталь, я обходила все этажи, пела в палатах песни, а потом шла вниз к «своим» и сидела там целый день.

Но сегодня мне нельзя было идти в госпиталь, потому что я взяла у дяди Никиты мундштук. Дядя Никита не мог курить, но мундштучок из разноцветных колечек плексигласа лежал у него на тумбочке, и иногда он просил меня дать ему поддержать мундштук в зубах.

Я бы никогда не взяла его, если бы Галя не рассказала маме про день рождения своей подруги и про то, как неплохо поступила одна девочка: пришла без подарка, а сама там все ела. И мама тут же вспомнила, что через 3 дня день рождения у Владимира Ивановича и что он пригласил нас всех в гости.

— Надо что-нибудь подарить, — сказала мама грустно, — а у нас ничего нет. Но у меня уже созрел план: я возьму у дяди Никиты мундштучок, он не заметит, и подарю его Владимиру Ивановичу. А потом потихоньку заберу. Владимир Иванович подумает, что он потерял его, и не очень, наверное, огорчится, ведь он не курит. А я его верну дяде Никите, и всем будет хорошо. Надо только три дня не ходить в госпиталь, чтобы они не спрашивали меня про мундштук, если заметят пропажу.

Но первый же день, как нарочно, выдался скучный: я просидела у шоссе до обеда, а военные так и не выехали. К тому же Галя отругала меня за то, что я принесла мало кизяков. Мне стало грустно и захотелось немедленно рассказать «своим», какая вредная Галя.

И раньше намеченного срока я снова появилась на пороге полутемной палаты.

— Здравствуйте, — сказала я.
— Здравствуйте, Марья Владимировна, — обрадовался Леша.

КРАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Ольга МИРОШНИЧЕНКО

— Я тебе утку принесла, — сообщила я.
— Очень кстати, — засмеялся Леша, — тащи сюда, а то она улетит.

— Ты бы не зубоскалил, — сказал Маркел Митрофаных, все-таки ребенок, — а ты не таскай утки, не твое это дело.

— Сестра велела, — сказала я и залезла к нему на койку. Там я не мешала: у Маркела Митрофаныха не было ног.

— Маш, ты не видела мундштук Никиты? — спросил он сразу же. — Может, заткался куда? Ты бы слазила под кровать.

— Мундштук? — переспросила я. Он лежал в кармашке моих трусов.

— Не надо. Не ищи, — неожиданно громко сказал дядя Никита.

Но я уже полезла под его кровать. «Отдам его, — подумала я, — вроде наша сейчас». Но в карманчик трусов я засунула еще кусок прессованных семечек — макуху. Макуху мне дала санитарка тетя Поля. Большой кусок застрял в кармане, и мундштучок вытащить было нельзя. Я уже потихоньку начала снимать трусы, когда Леша сказал:

— Машка, вылезай скорее, доктор идет

Обход делал злой доктор, и, завидев меня, он начал тянуть своим длинным голосом:

— Это не положено, граждане, я сколько раз говорил, девочка не должна находиться в палате.

— Нам многое не положено, — сказал Маркел Митрофаныха. — Мне всю жизнь часы чинить, когда я лучшим трактористом был, положено? А ему, — он кивнул на Никиту, — обгореть положено было в 25 лет? А Лехе контуженным лежать?

— Я вас понимаю, но вы отдаете девочке необходимые вам для выздоровления продукты, это тоже не годится.

— А то, что она утки носит, годится? — спросил дядя Никита. — И что калек развлекать приходит? А жизнь среди таких уродов в пять лет годится? — Никита уже кричал, и доктор кивнул другому доктору, а тот выбежал в коридор.

— Успокойтесь, прошу вас. — Злой доктор подошел к Никите, двумя руками взял его за голову — за белый круглый шар и поправил подушку. — В поселке может быть любая инфекция, а девочка в одних трусах, пусть она хоть халат какой-нибудь надевает. — Он протянул руку за лекарством и поднес склянку к щели, где был рот дяди Никиты. Жидкость закапала на бинты.

— Маша, — сказал Маркел Митрофаныха, — подай Никите пить.

Я обошла злого доктора, зашла с другой стороны койки Никиты и попоила его из поильника.

Потом врачи ушли, и я по просьбе Леша спела и сплясала «Эскадрон за эскадрон», и тут Маркел Митрофаныха вспомнил, как Галя отругала меня.

— А я домой только ночевать теперь ходить буду, — беспечно сказала я. — Пускай Галя сама кизьяки собирает.

— Как это ты дома жить не будешь? — огорчился Маркел Митрофаныха. — И доктор вон как сердится.

— А я халат буду носить, как он.

— А где его взять? — спросил Леша.

— Очень просто, — сказал дядя Никита, — попросим у тети Поли кумача и сошьем ей платье, подумаешь, три дырки.

— Ой, а мне тетя Поля макуху дала, — вспомнила я, — кто хочет?

— Дай куснуть, — сказал Леша, — только палец не подставляй, а то ты палец подставляешь, чтоб много не куснули.

— И ничего я палец не подставляю. — Я дергала и никак не могла вытащить макуху из карманчика, дернула сильнее, затрещали нитки, и мундштучок, о котором я совсем забыла, покатились к кровати Маркела Митрофаныха.

— Уронила цацку свою. — Маркел Митрофаныха нагнулся и поднял мундштук.

— Я не нарочно, — сказала я и заревела, стоя посреди палаты.

— Ничего, ничего, пройдет, не плачь, — вдруг сказал Леша. Он делал мне какие-то знаки: показывал рукой на Никиту, потом на свой рот.

— Поди ко мне, что у тебя там с коленкой, — позвал Маркел Митрофаныха.

А я, совсем одурев от непонятных их речей, стояла на месте.

— Я хотела Владимиру Ивановичу подарить, а потом отдать.

— Ты пойдешь ко мне или нет! — крикнул вдруг Маркел Митрофаныха, и я снова заревела.

— Отстаньте от нее, — тихо сказал дядя Никита. — Иди сюда, Машенька.

Рисунок
В. Семенова

Я села на краешек его койки, не сводя глаз с Маркела Митрофаныха.

— Шкодлива, как кошка; труслива, как мышь, — сказал Маркел Митрофаныха и отвернулся к стене.

— Ну зачем так? — сказал дядя Никита. — Маша, тебе нравится мундштук?

— Нет, — ответила я. И сознание ужасного несчастья охватило меня. Я упала лицом на одеяло и, чувствуя запах рыбьего жира, которым пропитались бинты Никиты, заплакала сильнее.

— Машенька, перестань, Машенька! Да что ж это такое! — крикнул он. — За что вы ее тираните!

Я встала и, ничего не видя от слез, побрела к выходу, но около койки Маркела Митрофаныха наткнулась на его протянутую руку. Он обнял меня вокруг живота, пододвинул к себе.

— Перестань плакать, сейчас же перестань, — сказал Маркел Митрофаныха. — Ты совершила очень плохой поступок, ты нас очень огорчила.

— Но мы тебя все равно любим, — сказал дядя Никита.

— Я хотела как лучше, — объяснила я, повернувшись к нему, — нам нечего Владимиру Ивановичу подарить, потому что мы бедные, а Галя сказала, что на день рождения без подарка приходиться нельзя, и Владимир Иванович тоже бедный, у него даже кастрюли нет.

— Мы ему котелок дадим. — Маркел Митрофаныха погладил меня по голове. — С ручкой. А Галя твоя глупая...

— А черт! — вдруг крикнул дядя Никита и начал дергаться на койке.

— Беги за доктором, — подтолкнул меня Маркел Митрофаныха, и я побежала по коридору, слыша, как в палате кричит дядя Никита!

На следующий день я с утра пришла к «своим», а когда я уходила, Маркел Митрофаныха дал мне котелок для Владимира Ивановича. А еще через день он надел на меня красное платье, сшитое из кумача. Леша очень смеялся, глядя, как я расхаживаю в нем по палате, и рассказывал дяде Никите, и он тоже смеялся и посоветовал Маркелу Митрофаныху пришить к нему воротничок из марли.

А потом дяди Никиты вдруг не стало. Его койка в палате была застелена.

— Ой, дядя Никита пошел гулять в сад! — обрадовалась я. — Пойду посмотрю.

— Не ходи, — остановил меня Леша.

— Он в другом саду гуляет, — сказал Маркел Митрофаныха.

И я поняла, что спрашивать про дядю Никиту больше нельзя.

Эвакуация кончилась, и мы поехали в Моску.

Однажды одна девочка со двора позвала меня на день рождения. Мамы не было, я сама нашла свое любимое красное платье и пошла в гости. А потом пришла мама, почему-то очень сердитая, и забрала меня домой. Дома они с Галей ругали меня за то, что я в плохом платье и рваных валенках пошла в гости.

— Но у меня же нет других, — удивилась я, — а платье очень красивое, Леша и Маркел Митрофаныха говорили, что красивое, что у него кружевной воротничок.

— Кружевной! — фыркнула Галя. — Марлевый, а не кружевной.

А мама вдруг перестала сердиться.

— Вот папа вернется с фронта, и мы купим тебе новые валенки, мы ведь не хуже других, — сказала она.

— Конечно, не хуже, — согласилась я.

Эмиль ЛОТЯНУ

С особой радостью я пишу о музыке моего близкого друга композитора Евгения Доги. Мы часто видимся, иногда работаем вместе, углубляемся в тот или иной спор, хотя скорее это не спор, а поиски истины.

Мир звуков, созданный Евгением Догой, очень похож на него самого. В этом мире много тепла и солнечного света. Вы ощутите это во взлетах скрипок и в светлом хорале, в сплыве меди и человеческих торжественных голосов.

Однажды я оказался в родных местах композитора. Высокое плато на берегу Днестра, и где-то внизу покрытая белым паром большая, быстрая река. Высокие берега, словно раскинутые руки, покрыты лесами, виноградниками, черешневыми и яблоневыми садами. Я ощутил тогда одновременно и

щедрость этой земли и напряженный ритм реки-труженицы. И тогда я вдруг понял: вот он, Дога, он весь отсюда. Его естественное состояние — труд.

Меня радует в нем то, что он прилежен, как примерный ученик: роется со страстностью антиквара в старинной музыке, точен в понимании классических школ, в нем глубоко пустил корни молдавский музыкальный фольклор.

В настоящее время Дога работает над завершением балета-оперы по поэме Михаила Эминеску. Я с нетерпением жду окончания этой работы. Мне думается, что именно Евгений сумеет перевести в звуки, неузнаваемые и заманчивые, историю высокой любви к земле, к людям. Потому что в этом жизнь композитора Доги, человека, похожего на вечно устремленную вперед трудолюбивую реку.

Евгений ДОГА:

Вряд ли я стал бы профессиональным музыкантом, если бы не мое увлечение радиотехникой. В тринадцать лет собрал детекторный приемник, и первое, что услышал, было объявление о приеме в Кишиневское музыкальное училище. И я стал студентом. Педагоги решили, что из меня выйдет хороший виолончелист. Сочинять я пробовал еще в начальной школе, но не знал, что существуют ноты, и писал в школьной тетрадке волнообразные линии — так примерно выглядит электрокардиограмма. Позднее я вычитал, что подобная запись была изобретена до меня за девять столетий. А потом я окончил два факультета Кишиневской консерватории — по классу виолончели и композиции. Написал несколько симфонических произведений, концертов, ораторий и кантат, пьес для различных инструментов и даже учебник

На 8-й звуковой странице — две песни Евгения Доги:

«Мой город»
на стихи Г. Воды
(русский текст
В. Лазарева)
и «Взгляд твоим
глазам»
на стихи
А. Подольну.

Исполняют
София Готару и Ион Суручану.

НАПЕВЫ МОЛДОВЫ

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

по элементарной теории музыки, много песен и музыки для кино.

И в каком бы жанре я ни работал, я всегда связан с молдавским фольклором. Довольно давно сложилось мнение, что молдавская музыка — это что-то «цыганское», «огненное», с плачущими скрипками. Такое отождествление неверно. Оно обедняет представление

о подлинной молдавской музыке — необычайно богатой гармонически и ритмически. Я объездил с магнитофоном и нотной тетрадкой всю Молдавию вдоль и поперек, собирая и изучая фольклор. Записывал все, что видел и слышал. И считаю, что фольклор всегда будет живительным материалом для композиторов, писателей, художников, потому что народная музыка, так же как и жизнь, вечна и неповторима.

Интервью. П. Ермишева
Кишинев

КОЛОБОК

для детей и взрослых

ЧЕБУРАШКА

МУЗЫКА ЭКРАНА

И
ДРУГИЕ

На девятой звуковой странице вы услышите песни из мультфильмов и рассказ артистки Клары Румяновой (она же Заяц из фильма «Ну, погоди!»)

9

Артисты А. Папанов (Волк), К. Румянова (Заяц и Чебурашка) и В. Ферапонтов (крокодил Гена), озвучивающие мультипликационных кинозвезд.

Вы видите на этой странице необычайные портреты знакомых кинозвезд. А вот автограф дать им, конечно, труднее. Ну, как должны подписаться Заяц, Волк, крокодил Гена или Чебурашка?! Но вы-то их узнали? И — заметьте — мы пишем кинозвезда Волк или Чебурашка без кавычек, потому что уверены: герои мультфильмов смело конкурируют с «живыми» артистами кино. Доказательства? Вот только некоторые...

ное письмо: «Я очень люблю свою невесту, очень. И иногда называю ее, шутя, Чебурашкой. Она и сама любит Чебурашку. И теперь она поставила мне условие: «Достань мне Чебурашку, тогда буду твоей женой!» Почти классическое требование царичных «черевичек». Кинозвезда крокодил Гена вызвал нарекания со стороны одной огорченной мамы. Она прислала на студию письмо с упреком: «Ну, зачем вы назвали крокоди-

нажды художник-мультипликатор нарисовал бульдога, а он и не думает обижаться.

Изображения других кинозвезд — Волка и Зайца из многосерийного мультфильма «Ну, погоди!» — появляются на значках, майках, шоколадках, детских шапочках... Один из авторов фильма, Александр Курляндский, стал было собирать коллекцию всевозможных вещей с изображением Волка и Зайца, и у него уже больше ста подобных

гей дома, прямо шли в кинотеатр и зачастую сами оставались в зале.

Почему же вдруг герои мультфильмов стали соперничать с «живыми» киноактерами? Всего десять минут действуют на экране персонажи рисованного или кукольного фильма. Готовя его, люди разговаривают карандашами.

Режиссер Р. Качанов высказал любопытную мысль: «Мне кажется, что Чебурашка вызвал

Творческая группа, создавшая фильмы «Крокодил Гена» и «Чебурашка», часто встречается со зрителями — и маленькими и большими. «И всегда после встречи, — жалуются кинематографисты, — наш Чебурашка пропадает. Все куклы на месте, а Чебурашки нет!..» Еще бы, ведь это такой соблазнительный сувенир — настоящий Чебурашка.

Влюбленный юноша присылает на студию смешное и трогатель-

ла Геной? Моего сына тоже зовут Геной. И вот теперь в школе ребята стали его звать Крокодилом. Почему не назвали крокодила Романом?»

На это письмо режиссер Роман Качанов ответил, что никак, ну, никак мальчик Гена не должен обижаться. Ведь крокодил Гена — очень милое существо. Он и корректный, и интеллигентный, и доброжелательный. А кроме того, Р. Качанов признался, что с него од-

экспонатов, но конца сувенирам не видно. Не уследишь! Их выпускают во Львове и Черновиках, в Киеве и Риге...

Популярность фильма «Ну, погоди!» была отмечена в Софии. Лишь в одном только столичном кинотеатре «Культура» фильм в течение года просмотрели двести пятьдесят тысяч человек. Болгарские мамы и папы отлично знали, что Волк и Заяц — самые любимые детские герои, и потому, не найдя своих де-

симпатию зрителей потому, что нам, людям сильным, очень нужен подчас трогательный герой, требующий ласки и защиты. Я это понял не сразу. Я собирался делать эксцентричную комедию, и мне показалось — она не удалась. Но зрители приняли моих наивных, добрых, лиричных и, конечно же, смешных героев — и Чебурашку и крокодила Гену. И для меня это было полной неожиданностью...»

Наталья РОСТОВЦЕВА

7 (124) июль 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки
«В мире профессии»
Артисты цирка»
Художник
И. Урманче

Сдано в набор
28.V. 1974 г.
Б 04810 Подп. к печ.
12. У1. 1974 г.
Формат 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2307 Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

- 1. Призвание — это умение хорошо работать.** Говорит Герой Социалистического Труда Василий Постников.
- 2. «Я слышу тебя, сестра!..»** Первый телефонный разговор через тридцать лет.
- 3. Что стоит за пушкинской строкой.** Профессор А. В. Западов о мастерстве читателя.
- 4. Как я стал цветоводом.** Рассказ селекционера А. Н. Громова.
- 5. Три роли Николая Гриценко.**
- 6. Праздник 14 июля во Франции.**
- 7. Романс «Не искушай меня без нужды».** Исполняют А. Нежданова и И. Козловский.
- 8. Композитор Евгений Дога:** «Мой город» и «Верю твоим глазам». Поют София Ротару и Ион Суручану.
- 9. Песенки крокодила Гены** и других героев мультфильмов.
- 10. Поет Марио Ланца.** «Вкелла», «Гренада» и «Потому что ты моя».
- 11. Из гула молодежной демонстрации.** Ансамбли «БСТ» и «Чикаго» (США).
- 12. Жулио Иглесиас (Испания):** «Была у меня гитара и мечты», «Прошли года».

Мир современной эстрадной музыки стал ныне столь широким и разнообразным, что трудно уследить за всеми стилями, направлениями, оркестрами, отдельными музыкантами, композиторами, тем более что в пестрой этой череде вещи серьезные, фундаментальные спокойно соседствуют с явлениями эфемерными, случайными. Но одно здесь не может подвергаться сомнению: последнее десятилетие преобладающей в этом радужном, непрерывно меняющемся мире оказалась постоянная формула так называемого «вокально-инструментального ансамбля».

Однако можно сказать «ансамбль» — это, в сущности, ничего не сказать. Потому что формула эта претерпела столь значительную эволюцию, что для подробного описания потребовались бы не строчки настоящей заметки, а тома.

Ансамбли «БСТ» и «Чикаго» представляют одно из интересных направлений современной эстрады. Стиль этот появился около 1969 года как реакция на примитивные коммерческие песенки-однодневки, основанные на модных танцевальных ритмах. Основой его является сплав разных стилей и жанров, или, как говорят музыковеды, полистилистика: наряду с характерными звучаниями «популярной музыки» в нем присутствуют элементы классики, джаза, фольклора...

Ансамбль «БСТ» (по первым буквам английских слов «кровь», «пот», «слезы») возник семь лет тому назад. Его создатель гитарист Эл Купер решил отказаться от «гитарной монотонии»

ЗНАКОМСТВА

Сплав жанров

и ввести в ансамбль группу духовых — две трубы, саксофон и тромбон. Впрочем, музыканты оказались универсалами, каждый владеет не меньше чем тремя-четырьмя инструментами: например, саксофонист играет также на флейте, губной гармонике, рояле, органе; органист — на тромбоне, валторне, флейте. Все это предоставляет аранжировщику замечательные возможности.

Ансамбль «Чикаго» появился почти одновременно с «БСТ» и похож на него по выбору инструментов, по типу аранжировок, по характеру музыки. Его песни также являются развернутыми вокально-инструментальными композициями, как правило, далеко выходящими за пределы принятого в легкой музыке трехминутного стандарта. Многие из них касаются насущных проблем современной Америки — проблем молодежи, проблем расовых, проблем антивоенного движения рубежа семидесятых годов... На звуковой странице «Кругозора» вы услышите композицию «29 августа 1968 года», песню, словно вырастающую из шумов и ритмов многотысячной студенческой демонстрации (музыка была наложена на документальную запись столкновения демонстрантов с полицией). Певец — солист ансамбля «Чикаго» гитарист Терри Кэт.

Ансамбль «БСТ» представлен на этой же странице одной из своих ранних работ — песней Лауры Ниро «Когда умру», тонко стилизованной в духе фольклорных баллад. Поет солист группы канадец Дэвид Клейтон-Томас.

Арк. ПЕТРОВ

Главный редактор С. Н. ЕСИН
Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора),
Г. М. ЩЕРГОВА

Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите нам по адресу

113326, Москва, Пятницкая, 25, «Кругозор»

Муслим МАГОМАЕВ,
народный артист СССР

В 1964 году я был на стажировке в Италии, в знаменитом оперном театре «Ла Скала» в Милане, и каждый месяц после стипендии непременно отправлялся в маленький магазин грампластинок на проспекте Буэнос-Айрес, чтобы пополнить свою коллекцию. Хозяйка магазина, завидев меня еще в дверях, с невероятной скоростью и ловкостью бросалась по лестнице к верхним стеллажам, и через несколько секунд на прилавке уже лежал дестрый веер красочных конвертов. Не часто ее скромный магазин радовался покупатели, и совсем редко приходилось хозяйке подниматься на самый верх, где хранились пластинки, «плюхо идущие» в продажу, те, на которых звучали голоса великих оперных певцов; гораздо лучше раскупались пластинки с эстрадной песней.

Как-то, отбирая предложенные мне конверты, я услышал обращенные ко мне слова: «Синьор! Обязательно купите пластинку вот этого певца — это лучший голос в мире!» Возле меня стоял полный господин в смешной маленькой шляпе с пером. Я повернулся к прилавку и увидел, что он показывает на конверт с портретом Марио Ланца. Он, конечно, не знал, что почти всю свою стипендию я тратил именно на пластинки Марио Ланца, ибо люблю этого певца с 14 лет.

Итальянский дирижер Аргуро Тосканини, человек весьма скупой на похвалы, впервые услышав Марио Ланца, воскликнул: «Это лучший голос XX века!» Я специально привел здесь высказывание мастера, чтобы дальнейшие мои хвалебные слова не сочли преувеличением из-за моей личной симпатии.

Я высоко ценю талант Марио Ланца, неповторимый тембр его голоса, музыкальность и невероятную эмоциональность. Пластинки не многих больших мастеров я могу слушать без конца. Из теноров, пожалуй, только Джильди и Марио Ланца. Признаться: я не считаю достаточным наличие у певца большого голоса, безукоризненной школы и блестящей техники. Я хочу при всем этом слышать сердце и душу исполнителя. Марио Ланца, кажется, поет, как птица, — для себя, не задумываясь о том, слушают ли его сейчас люди. Поет один на берегу, штормящего мо-

ря и, переполненный звучанием, хочет победить рококошущую стихию.

Настоящее имя певца Альфредо Кокоцца. Фамилию Ланца он взял у матери, а имя Марио — у своего любимого героя из оперы Пуччини «Тоска». Любовь к пению, к музыке привил ему отец, известный коллекционер пластинок великих певцов. К 20-м годам Ланца пел уже оформившимся звонким, красивым тенором. Затем — съемки в кино, успех слава. Его первым фильмом был «Полуночный поцелуй» (1949 г.). Выступление Марио Ланца в фильме «Великий Карузо» (1951 г.) считают большим успехом певца. Совершенно баснословной популярностью стали пользоваться его грампластинки с лирическими песнями. Он записывался с невероятной легкостью и быстротой. С такой же легкостью и быстротой пластинки расходились.

НЕДОПЕТАЯ НОТА

В опере Марио Ланца выступил всего лишь несколько раз, посвятив себя главным образом записям, концертам и кинематографу. Кинематограф же в конце концов его и погубил. Ланца очень быстро прибавлял в весе. Кинокомпания, с которой он был связан контрактом, грозила ему громадной неустойкой и заставляла певца резко сбросить вес. Сердце такой нагрузки не выдержало. Умер Марио от сердечного приступа в 1959 году.

За гробом великого певца шло 5 тысяч человек. Еще за два дня до смерти он звонил своим родителям в Филадельфию и в течение двух часов пел для них по телефону. Такой поступок очень характерен для Ланца.

Я до сих пор слушаю его голос с восхищением и сожалено, что этот великолепный, полный жизни и страсти тенор не допел своей последней ноты...

Записи с одного из последних концертов Марио Ланца на десятой звуковой странице. Комментирует их народный артист СССР Муслим Магомаев.

ХУЛИО ИГЛЕСИАС

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Испания

12

В 1970 году на фестивале Евровидения в Амстердаме, куда съехались эстрадные знаменитости песенной Европы, неожиданно внимание привлек певец внешне неброский, с «нормальной» прической, в классическом костюме. Исполненная им песня «Гвендолин» имела успех и была отмечена жюри как лучшая на фестивале.

Сегодня Хулио Иглесиас — один из самых популярных певцов Испании. Он постоянно пополняет список своих призов и наград, с успехом выступая на многочисленных музыкальных конкурсах и в Испании и за рубежом. В 1973 году ему была присуждена высшая премия музыкальной критики «Золотой диск».

Хулио Иглесиас родом из Галисии, западной провинции Испании, граничащей с Португалией. Он очень любит язык своих предков и часто поет галисийские песни. Поет интересно, колоритно, проникновенно.

Все, кто приветствует Хулио Иглесиаса на улице, останавливает, чтобы взять автограф или же просто поговорить, составляют как бы часть его самого, часть его каждодневной жизни. Ведь удивительно приятно чувствовать себя близким и нужным людям, с большинством из которых ты даже не знаком. Но не многие умеют это понять. Хулио Иглесиас понимает: «Для меня популярность — это прежде всего познание многих вещей, знакомство с интересными людьми, различными странами, обычаями... Это помогает мне лучше понимать людей, глубже чувствовать их переживания, мечтать вместе с ними, а значит, лучше петь для них. Самые волнующие, самые впечатляющие моменты моей жизни те, когда я поднимаюсь на сцену и вхожу в прямой контакт со зрителями, могу заставить их почувствовать то, что мне хочется им передать».

Хулио Иглесиасу это удается одинаково успешно: и когда он поет с эстрады, и в записях на пластинке, и с экрана кино. Такова особенность певца, говорящего о себе: «Я самый обыкновенный человек, которому нравится петь».

Борис СИМОРРА

Цена 1 руб.